

Изучение народной речи

Л.Я.Костючук

Новые публикации - новые знания о псковском народном слове

Слово сопровождает человека и его жизнь не одно десятилетие, а иногда и столетия. Слово утверждается в языке, характеризует человека и его деятельность, его качества, обрастает однокоренными образованиями, входит в устойчивые образные словосочетания. Иногда же слово уменьшает свою активность, теряется его актуальность, и слово уходит в пассивный запас языка. Каждое слово национального языка — это та капля, в которой отражается история страны и отдельного человека. В.И. Даль приводит пословицу о значимости буквальной капли воды: *По капле дождь, а реки поит; река-ми море стоит* (Даль II, 186).¹ Так и слово: с учетом своей истории оно способно помочь человеку понять определенный участок действительности, фрагмент человеческих отношений. Но для обнаружения особых отношений между словами и значениями отдельного слова необходимо обратить внимание на соответствующие контексты современной исследователю речи, а также на контексты в тех или иных памятниках письменности, ко-
Костючук Лариса Яковлевна - доктор филологических наук, профессор Псковского пединститута им. С.М.Кирова

торые могут зафиксировать такое употребление слова, которое до определенного времени не было известно или в своем значении, или в своей какой-то форме, или в соответствующем деривационном облике в пределах однокоренного словообразовательного гнезда. Поэтому такую большую ценность представляют 1) новые публикации памятников письменности; 2) переиздание тех памятников, которые стали библиографической редкостью; 3) обнаружение прошлых публикаций, на которые по той или иной причине до сих пор не обратили внимание; 4) выход в свет очередных томов известного и всегда востребованного словаря; 5) появление нового лексикографического труда...

Для нас, жителей Псковской земли, которые заинтересованы в познании тайн псковского слова, в последнее время особенно значимыми оказались такие публикации: 1) переиздание в одном томе исследований Б.А. Ларина о трех иностранных источниках по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков;² 2) книга О.С. Мжельской по лексике русской обиходно-разговорной речи XVI-XVII веков, оказавшейся зафиксирован-

ной прежде всего в ряде русско-немецких разговорников, составленных иностранными купцами для ведения торговли в Пскове и в других регионах Руси;³ 3) выход в свет 13-го выпуска Псковского областного словаря с историческими данными;⁴ 4) появление первого тома Словаря говоров Низовой Печоры.⁵ Давно, особенно с 1970 г., незыблемым источником для исследования псковской речи и вообще русской речи прошлого стал такой памятник, как Русско-немецкий разговорник Т. Фенне, составленный немецким купцом в 1607 г. в Пскове⁶ и отразивший уникальный разговорный народный язык псковичей, псковские региональные особенности речи. Благодаря краковским исследователям, обнаружившим в библиотеке Краковского Ягеллонского университета два редких памятника, еще мало известных широкой научной общественности из-за их трудной судьбы военных лет, но теперь активно вводимых в научный обиход краковскими учеными, мы можем постоянно обращаться к русско-немецким разговорникам еще более древним, чем Разговорник Т. Фенне начала XVII века, — это так называемый Анонимный разговорник (Анонимная книга) XVI века⁷ и Разговорник Т. Шрове 1546 года.⁸ Как установил А.Фаловский, публикатор, редактор, исследователь этих памятников, «анонимная книга была отредактирована в первые годы царствования Ивана IV», «она возникла во Пскове».⁹ Разговорник Т. Шрове 1546 года вместе с Разговорником Т. Фенне 1607 года имел, по всей видимости, еще более древний протограф, создан был на Северо-Западе Руси, возможно на новгородско-псковской территории: такое заключение следует из того, что ряд текстов в этих памятниках имеют похожее содержание и похожее оформление, похожий набор лексем.

Богатство источников с древней фиксацией слов в разговорной речи, с более ранней фиксацией, чем та, которую сообщают исторические словари русского языка по письменным памятникам, помогает установить значимость разговорной речи в познании истории русских слов и выражений.

Возможность сопоставить данные того,

что было записано на псковской территории, и того, что отметил, например, Р. Джемс для архангельских говоров в своем Словаре-Дневнике 1618-1619 гг.,¹⁰ привлечение свидетельств из современных региональных словарей, отражающих живую народную речь соответствующей территории, — это важные документальные доказательства семантики и своеобразия слов в их сложной жизни на протяжении веков.

Кроме того, указанные источники — это не только лингвистические источники, но и исторические: через слово познается история народа.

Покажем это на одном характерном псковском примере.

Типично северо-западным, в частности псковским, а также отмеченным и в других говорах является выражение *пить литки* (*литки пить*), которое хорошо известно псковским диалектоносителям; оно зафиксировано в Картотеке Псковского областного словаря, включено в подготовленный очередной выпуск словаря. Означает оно «отметить выпивкой выгодную сделку, прежде всего покупке». Нам приходилось изучать это выражение, но теперь открылись некоторые дополнительные его стороны. Было уже установлено, что по происхождению выражение связано с немецким языком. Недаром каждый из составителей древних русско-немецких разговорников, создаваемых на псковской территории, пояснял это выражение аналогичным немецким выражением с эквивалентным составом компонентов. Следовательно, по существу это выражение в русском языке может считаться своеобразной калькой с немецкого выражения: глагольный компонент переводится глаголом *пить*, а именной компонент остается непереверденным, но приспособленным к русскому звучанию, тем самым оказался непонятным для носителей русского языка, но привычно составившим, с другим компонентом, целостное устойчивое выражение.

Так в Разговорнике Т. Фенне обнаруживаем: *Сегодня мы литки пить. Кому то платить? То нам об^hма платить.* (337) *Литки пить* имеет немецкое соответственное пояснение *den vinkop trinken* (т.е. бук-

вально «вино пить», хотя часть *vinkop* — сложная по составу часть, где вторая морфема — это фонетически «испорченное» от немецкого корня *kauf-* с идеей «покупка»).

В Разговорнике Т. Шрове зафиксировано подобное выражение, но почему-то вместо компонента *литки* в русской части латинскими буквами написано *Litza* (по-русски это можно было бы изобразить как *литца*, что и делают краковские ученые в приведенном алфавитном индексе слов). Тем самым затемняется понимание слова в русской части для современного нам исследователя, а для человека XVI века, видимо, заимствованное из немецкого языка выражение еще «не успело» как следует освоиться в новой языковой среде и звучит с понятной глагольной частью и непонятной именной. В Разговорнике Т. Шрове приводится соответствующее немецкое пояснение *wienkauff trincken*, где именная часть (*wienkauff*) является сложной (первый корень связан с понятием «вино», а второй — с понятием «покупать, покупка»).

Итак, немецкое пояснение в Разговорнике Т. Шрове (более раннем памятнике) дает более ясный этимологический состав именной части (*wienkauff*), а в Разговорнике Т.Фенне (более позднем памятнике) содержится более затемненный образ (*vinkop*).

А. Брюкнер в Этимологическом словаре польского языка приводит слова *litkup*, *litek*. Первое слово (*litkup*) имеет более тесную связь с немецким источником: вторая часть слова напоминает немецкий корень, несущий идею «покупка», а первая часть, как и во втором слове (*litek*), содержит часть, похожую на славянский корень, связанный с глаголом *лить*. Второе польское слово *litek*, как и русское слово *литки*, приобрело морфологический состав, напоминающий славянский вид, благодаря корневой морфеме. Слова польского языка А. Брюкнер объясняет заимствованием с востока (русское *литки*) и с запада из немецкого *litkouf*, где *lit* означает «горячий напиток» (вероятно, с семей «крепкий»), а *kouf* — это «покупка».¹¹ В целом употребление слов *litkup*, *litek* А. Брюкнер поясняет как закрепление торговой сделки обрядом выпивания вина при свидетелях в

ознаменование покупки.¹² М. Фасмер тоже указывает на немецкий первоисточник слова *литки*, но отмечает приход слова в русский язык через западнославянское посредничество в виде *litkup* (польское, чешское). Кстати, в украинском языке бытует слово *литкуп*, как в западных языках. По свидетельству М. Фасмера, слово в западнославянских языках, помимо значения «магарыч» могло значить и «задаток, продажа в рассрочку» (это значение у слова *литки* в русском языке не отмечено). В зависимости от диалектов древнего немецкого языка фонетически слово выглядело по-разному: *litkouf* (средне-верхненемецкий), *litkop* (средне-нижненемецкий). Первую часть (*lit*) М. Фасмер трактует как «крепкий напиток, фруктовое вино». Известно, что в северных говорах, например в архангельских, употребляется слово *литки* вместо *литки* (Фасмер II, 102-103).¹³

Это явилось своеобразным «приспособлением» к славянскому морфемному составу не совсем понятного слова *литки*. В только что появившемся Словаре русских говоров Низовой Печоры зафиксированы как синонимичные фразеологизмы (идиомы в трактовке Б.А. Ларина, даны под знаком «ромба») *литки пить* «отмечать выпивкой покупку» (*Литки пьют, кто купит покупку*) (Сл. Н.Печ., 387) и *литки пить* «выпивать по случаю какой-н. сделки, покупки, продажи» (*Менку-то дёрнем, менеть пришла стул-от. Сменям — так литки пить, корову продавать, лошадей, фсё литки пить*) (Сл. Н.Печ., 385). Появление компонента *литки* вместо *литки* тем более затемняет первоначальный образ: с одной стороны, рождается изолированная ассоциация со словами *лупа*, *лупка*, а с другой — возможный исходный образ особенно становится непонятным. Диахронные отношения в освоении заимствованного слова сначала привели к созвучному с исходным оформлением (на протяжении веков) слова в русской языковой среде, а затем в северных говорах (пока это больше нигде не отмечено) к замене непонятного компонента на изолированно понятный для русской корневой системы (*литки*), но при этом не проявляющийся, а еще более затемняющий образ для устоявшегося языкового значения. Так по-

лучился в народной русской речи синоним *литки пить* к первоначальному *литки пить*. Эти отношения воспринимаются не как варианты, а как синонимичные (поскольку получаются в основе выражений потенциально разные образы).

Исследователи торговой лексики, зафиксированной в русско-немецких разговорниках XVI-XVII веков, показывают роль специальных слов в передаче соответствующих отношений между торгующими (продающими и покупающими), например: «Акту купли-продажи предшествует *приговор*, во время которого купцы могут *товар сулить, посулить, отсулить, выбрать, обручить, приговорить, вывечивать и дать задаток*. Если *купцы крепость нарядили, цены доспели и есть у них слово на ту цену, они ударяют, бьют по рукам и пьют литки*».¹⁴

Отмечая необходимость создания системы торговой терминологии в прошлые века, когда Псков активно вступал в международные экономические отношения, можно обнаружить успешное развитие этой системы на основе обиходно-разговорного русского языка. Наличие синонимов, подбор однокоренных образований, в которых служебные морфемы достаточно точно передают оттенки значения, — все это свидетельствует о богатых словообразовательных и лексических возможностях родного языка. Справедливо замечание А.Болек: «Регионально-народная система была настолько герметичной, что обходилась без заимствований. Единственным исключением является оборот *литки пить*, обозначающий общую выпивку после торговой сделки (из немецкого *Leihkauf, Litkouf*)».¹⁵

Все исследователи русской торговой лексики прошлого не могут пройти мимо русского диалектного *литки пить*. В. Витковский среди заимствований из польского языка, зафиксированных в так называемом Анонимном русско-немецком разговорнике (Анонимной книге) XVI века («Ein Rusch Voesck»), определив разные тематические группы торгово-ремесленной лексики, как особую группу выделяет «название процедуры, сопровождающей продажу» только с одним словом *литки*, которое толкует как «магарич [!],

угощение водкой при заключении сделки».¹⁶ (Стоит отметить, что *магарыч*, как и *литки*, означает выпивку по случаю удачной купли-продажи.)

Слово *литки*, как узнаем благодаря ставшим известными в XX веке русско-немецким разговорникам, было уже в русском языке не позже XVI века, придя в русский язык через польский из немецкого. До XX века слово было отмечено только в словарях XIX века: А. Подвысоцким в его Словаре архангельского наречия и в Словаре В.И. Даля.¹⁷

В.И. Даль слово *литки* считает однокоренным слову *лить* (помещает в словарной статье на этот глагол), трактует как существительного женского рода в форме множественного числа, относит к северным и восточным говорам (с нашей точки зрения, правомернее было бы считать его не восточным, а западным), толкует как «спрыски, магарычи, запивки, попойка при купле или продаже»; сомневается, что в архангельских говорах говорят и *литки* (ставит вопросительный знак; это сведение В.И. Даль получил, видимо, от А. Подвысоцкого). Только у В.И. Даля отмечено однокоренное образование *литочный* в значении «к литкам относящийся» (Даль II, 256).

Без выражения *литки пить* в известном значении «отмечать покупку, продажу выпивкой с угощением» не могли передать определенные этапы торговых сделок составители таких русско-немецких разговорников, которые, как установили исследователи, при подготовке разговорников были связаны с псковским регионом: Анонимная книга XVI века, Разговорник Т. Шrove 1546 года, Разговорник Т. Фенне 1607 года. В Анонимной книге, например, читаем: *Как если нонеча [или нонеча?] с тобою торговал ино поидем литки пити кому ведется заплатить мене ли или тебе* (94а). О.С. Мжельская тоже указывает, что «в конце сделки полагалось *литки пить*».¹⁸

В современных народных говорах, по свидетельству Словаря русских народных говоров, это выражение широко распространено в разных говорах: архангельских, владимирских, вологодских, новгородских,

олонецких, псковских, сибирских, тверских, уральских, ярославских (СРНГ 17, 172¹⁹). Распространению указанного устойчивого словосочетания, фразеологизма, безусловно, способствовало общение людей, представителей разных говоров, и то, что действие, называемое этим выражением, стало традиционно обязательным при заключении важных для человека покупок, сделок. В быт русского человека, прежде всего сельского, входит обычай отмечать угощением с выпивкой что-нибудь приятное и знаменательное: это и плата за помощь, соучастие, и просто праздничный стол, отдохновение.

Сложный путь выражения из германских языков через западнославянское посредничество в восточнославянские, в частности в русский, оказался отмеченным теми, кто бережно относился к народной речи на протяжении многих веков. Источники, давно известные и ставшие известными недавно, радуют исследователей и тех, кто просто не равнодушен к русскому слову, новыми сведениями о самом главном составляющем народного языка — Слове.

И еще один пример заботы о народном слове прошлого и настоящего. Готовя материал для этой статьи, мне пришлось на выставке книг в Областной научной универсальной библиотеке снова заглянуть в замечательные сборники по краеведению 20-х годов — «Познай свой край». В одном из них перечитала статью известного лингвиста, знатока псковских говоров, в частности пушкиногор-

ских, — В.И. Чернышева. Автор беспокоится о том, что необходимо торопиться изучать и памятники письменности, и особенно живые народные говоры. Он пишет: «Письменные памятники, отражающие особенности старого псковского наречия, изучены и объяснены весьма отчетливо. О живых псковских говорах пока еще нельзя этого сказать».²⁰ Читаешь эту фразу, наполненную искренней заботой об изучении живой народной речи, и всю статью, в которой автор приводит и Программу собирания сведений, и примеры своеобразных псковских языковых черт, и образцы записей народной речи, и радуешься, что систематическое изучение псковской народной речи значительно продвинулось, особенно в послевоенное время XX века: достаточно обратиться к выпускам Псковского областного словаря с историческими данными;²¹ к справочному тому об изученности псковских говоров за 50 лет XX века;²² к многочисленным публикациям...

Как актуально звучит доказательство необходимости изучать народное слово: «Старые народные говоры вымирают, а с ними вместе теряются ключи к уразумению памятников местной письменности и народной словесности».²³

Действительно, надо торопиться изучать псковское слово в его прошлом и настоящем! Поэтому так дорожим мы каждой публикацией, дающей нам сведения о языке и о народе, носителе языка.

Примечания

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1956. [Сокращенно: Даль, римская цифра — том; арабская — страница.]
2. *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб., 2002.
3. *Мжельская О.С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI-XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.
4. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 13. СПб., 2003.
5. Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. I. СПб., 2003. [Сокращенно: Сл. Н.Печ., страница.]
6. T. Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970. [Сокращенно: Разговорник Т. Фенне, страница источника.]
7. «Ein Rusch Bock...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Kdln-Weimar-Wien, 1994. [Сокращенно: Анонимная книга, страница.]
8. «Einn Russisch Buch» T. Schrouego. Z XVI w. Cz. II. Krakow, 1997. [Сокращенно: Разговорник Т. Шрове, страница источника.]

9. *Витковски В.* Заимствования из польского языка в книге «Ein Rusch Voesck» // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции МАПРЯЛ. Краков, 23-24. IV. 1996. Кракув, 1996. С. 168.
10. См.: Русско-английский Словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.) // *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб., 2002. С. 177-404.
11. *Węckner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957. S. 300.
12. Там же.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973.
14. *Болек А.* Лексика торговых сделок в *Русской книге* Томаса Шrove (по списку 1546 года) // Вопросы лингвистики и лингводидактики: Материалы конференции МАПРЯЛ. Краков, 23-24. IV. 1996. Кракув, 1996. С. 176.
15. Там же. С. 177.
16. *Витковски В.* Указ. раб. С. 169.
17. Там же. С. 170.
18. *Мжельская О.С.* Указ. раб. С. 185.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-37. Л. (СПб.), 1965-2003. [Сокращенно: СРНГ, первая цифра — выпуск; вторая — страница.]
20. *Чернышев В.* Изучение псковского наречия // *Познай свой край: Сборник Псковского общества краеведов.* Вып. IV. Псков, 1929. С. 83.
21. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-13. Л. (СПб.), 1967-2003.
22. Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.). Псков, 1996.
23. *Чернышев В.* Указ. раб. С. 83.